

УДК 316.47

Дивергенция мотивации билингвизма интеллигенции Республики Татарстан*

Беляев В.А.

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Сибяева Г.Р.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры информатики и информационно-управляющих систем Казанского государственного энергетического университета

В статье рассмотрено на основе углубленного интервью интеллигентов и интеллектуалов Татарстана расхождение мотивации билингвизма. Авторы различают языковые дискурсы традиционной интеллигенции и новоявленных этноцентричных интеллектуалов. Показаны взаимное гашение этнических, культурных и этатистских мотиваций и пути дальнейшего углубления владения обоими государственными языками Республики Татарстан. Большинство информантов считает функцию татарского языка как средства межкультурного взаимодействия важнейшей. В то же время этноцентрично ориентированные интеллектуалы выдвигают на первый план этатистские обоснования всеобщего двуязычия в РТ.

Ключевые слова: билингвизм, дивергенция, этатистские мотивации, межкультурное взаимодействие, этноцентризм, языковой дискурс, интеллигенция, интеллектуалы.

С конца XIX в. после введения русским писателем П.Д. Боборыкиным термина «интеллигенция» в России и Польше под ним понималась сначала группа людей с радикально-оппозиционными взглядами, позже – особый слой людей, профессионально осуществляющих функции интеллектуального (то есть квалифицированного и преимущественно умственного, требующего, как правило, специального образования) труда. Со временем были определены и эти функции: управление людьми и совершенствование (развитие) основных общественных сфер (производства, обороны, политики и духовной культуры) [1]. Однако среди западных советологов были популярны оба названных подхода, которые ныне возродились в нашей стране.

К середине XX в. большинство лиц свободных профессий превратилось в наемных работников, во-

шло в разряд «совокупного работника». Для определения их нового социального статуса и интересов потребовался другой термин для обозначения класса/слоя лиц интеллектуального труда. Например, американский социолог З. Бауман в 1990-е гг. утверждал, что интеллигенция – «это люди, которые в своей работе использовали интеллектуальную власть больше, чем физическое мастерство», в то время как понятие «интеллектуалы» охватывает экспертов, защищающих идейные ценности от власти [2, р. 223, 230-231, 233]. А. Гэлл в 1970-е гг.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Правительства Республики Татарстан в рамках проекта № 18-411-160011 «Социальные и информационно-сетевые аспекты трансформации политики билингвизма в Республике Татарстан в контексте поддержания этнической толерантности населения».

сходным образом отмечал различия между этими понятиями: интеллигенция для него – это диссиденты, интеллектуалы же – специалисты, формирующие особую социальную страту [3, р. 20-21].

В те же годы неомарксист А. Гоулднер выделял интеллектуальный класс на основе владения культурным капиталом и культуры критического дискурса. Он делил данный класс на интеллигенцию, чьи интересы в основном «технические», и интеллектуалов, чьи интересы находятся в сфере оппозиции. Интеллектуалы-гуманитарии недовольны коммерциализацией своего труда, а интеллигентс-технари боятся потерять свой социальный статус [4, р. 5, 8, 27, 48-49, 52, 75, 91-92].

Переход к информационной цивилизации вытолкнул многих интеллектуалов из категории наемных работников в число фрилансеров (стрингеров, людей, работающих на удаленном доступе, блогеров, администраторов сообществ в социальных сетях). Такое дистанцирование от конкретного нанимателя детерминирует необходимость нового определения социального статуса интересов интеллектуалов и дифференцированного подхода к ним. Поэтому в постсоветское время ряд социологов из бывших советских республик предложил новую трактовку указанных понятий. Так, социолог из Грузии Г. Нодиа отметил наличие «значительной брешы между интеллигенцией старого образца и интеллектуалами». З. Шатиришвили содержательно фундировал социальные основания этой брешы, связав различия между «старой» номенклатурной интеллигенцией и «новыми» прозападными интеллектуалами во многом с языковыми предпочтениями. В целом *the intellectual gap* проявляется в трех аспектах: в языке, институтах и дискурсе. В то время как интеллигенция Грузии общается на русском как на своем втором языке, молодые интеллектуалы говорят на английском, немецком и французском, поскольку учились на Западе (этот ученый даже жалуется, что русскоязычные фолианты его домашней библиотеки не смогут прочитать его дети). Далее, интеллигенция работает в государственных академических институтах и постсоветских творческих союзах, а интеллектуалы – в неправительственных организациях, финансируемых через западные гранты, или в независимых от государства средствах массовой информации. Дискурс у интеллектуалов либеральный и прозападный, но этноцентристский (прогрузинский и антироссийский), а у интеллигенции – традиционный левый, в основе интернациональный и ориентированный на Россию [5]. По своей сути, сходное разведение интеллигенции и интеллектуалов проводят и литовские исследователи (Д. Сурдокайте, Л. Донскис, И. Гесине) [6]. Российские же исследователи при разведении понятий интеллигенции и интеллектуалов продолжают пользоваться дихотомией социологического и политологического подходов (Е. Элбакян, И. Бутенко,

А. Казанцев, М. Могильнер, Л. Гудков и Б. Дубин, А. Соколов) [7-11].

Одним из немногих, кто заметил дискурсивные различия между интеллигенцией и интеллектуалами, стал Ю. Левада, подчеркивавший: «Интеллигенция столь же отлична от интеллектуальных групп развитого индустриального общества, инкорпорированных в его истеблишмент, как и от джен-три («грамотеев») традиционного общества. Она не просто выражает... мысли и интересы всех слоев и групп общества, она, по существу, дает им некий принципиально новый язык» [12, с. 157]. Неспособность западной категории «интеллектуалы» заменить интеллигенцию отстаивает М.Л. Гаспаров, отмечающий, что «в этом значении есть только ум и нет совести, западный “интеллектуал” – это специалист умственного труда и только, а русский “интеллигент” традиционного образца – нечто большее», оппозиционное [13, с. 308]. Тем самым российские исследователи не учитывают новых трендов и прежде всего дивергенции дискурсов, включающих отношение к двуязычию в республиках, имеющих свои государственные языки.

Необходимо отметить, что указанные грузинами и литовцами дискурсы наметились и в составе отечественного интеллектуального слоя, причем одним из важнейших критериев их различия является отношение к билингвизму в республиках РФ. Проблема двуязычия становится предметом исследования в зарубежной литературе [14-18]. Вместе с тем отечественные социологи также все больше интересуются данной проблематикой [19-24]. Однако в социологии существуют лакуны в исследовании дискурсов интеллектуального слоя по вопросам билингвизма, тогда как мотивации двуязычия все больше расходятся. На наш взгляд, целесообразна дифференциация терминологии, описывающей старые и новые элементы интеллектуального слоя, особенно в республиках РФ, что ярко проявляется прежде всего в Республике Татарстан. *Старой интеллигенцией* желательно называть людей, говорящих на русском как на родном языке и/или еще и на своем родном. Они работают в вузах и естественнонаучных институтах Академии наук республик и Российской академии наук и настроены интернационалистически, пророссийски и толерантно. *Новая интеллектуальная* поросль, ориентированная на дистанцирование от России, четко подразделяется на две категории. *Одни* трудятся «челночным» методом [в московских (а иногда – и в западных университетах по грантам) и казанских вузах одновременно или в местных редакциях отдельных московских СМИ], осваивают иностранные языки и гранты и ориентированы на либерализм и жесткую оппозиционность в отношении только федеральных властей. Последний дискурс их сближает со *второй категорией* интеллектуалов, работающих в гумани-

тарных институтах АН республик, а также на ряде кафедр вузов, ориентированных на этноцентризм (по статусу национального языка и самой республики) и оппозицию федеральному Центру.

Для исследования лингвистических дискурсов в интеллектуальной среде нами в рамках указанного гранта были проанализированы итоги целого ряда интервью. В отличие от данных массового опроса [20, 24], просто показывающих распространённость уже заданных анкетерами вариантов ответов, качественный анализ позволяет информантам самостоятельно обосновать свою позицию и тем самым выявить мотивацию мышления и поведения жителей Татарстана.

Анализ показал наличие нескольких расходящихся по своим ориентациям и последствиям дискурсов, раскрывающих особенности интеллигенции и интеллектуалов в РТ в отношении билингвизма.

Первый дискурс – явно этноцентричный. Так, относимый нами к интеллектуалам информант 1 (28 лет, филолог, переводчик, активист движения в защиту татарского языка в РТ), у которой и муж, и дети тоже татары, причем дети учатся татарскому языку в детских садах, на вопрос «Почему именно татарский язык является для Вас и Ваших детей родным?», ответила: «Это из тех элементов мироощущения, которые не выбирают, так как я жила в очень татарской семье, где вся атмосфера пронизана этим... Муж же, у которого мама – русская, а папа – татарин, он, да, он выбирал то, что ему ближе, то, что роднее... потому что он рос в Казахстане. Но с детьми он общается по-татарски... Сделать так, чтобы у детей был первым именно татарский язык, у нас пока не особо получается».

Отвечая на вопрос о значении русского языка, информант сообщила: «В обучении делаем акцент именно на татарский язык... просто потому, что вот на данный момент, как таковой, татароязычной среды очень мало... русский отдельно учить не надо, он так выучится, то есть мы хотим, чтобы оба языка были везде... на одинаковом уровне... ну хотя бы, чтобы там дети не просто могли свободно говорить и читать, а чтобы читать там какие-то более сложные статьи... Как правило, ... если человек не знает своего родного языка, не интересуется, не знает ничего из классической литературы татарской, далек от общения с родственниками, ... то граница стирается... я за то, чтобы языки, сохранялись как живые инструменты общения».

При этом важна мотивация изучения татарского языка. Так, на вопрос «А как Вы считаете, все ли жители РТ всё-таки должны знать татарский язык?» информант 1 заявила: «Теперь государственный язык перестал быть обязательным для изучения в Татарстане, и по факту получается, что здесь возникают, во-первых, две проблемы: одна такая практическая – те люди, которые... хо-

тели учить татарский, теперь существенно ограничены в этом, ... а вот другой вопрос, о котором я раньше не задумывалась, функционирование татарского языка как государственного... всё-таки должно предполагать изучение татарского как государственного, хотя бы на элементарном уровне, ... хотя бы на уровне двух часов в неделю ..., ты услышишь предложения на татарском и хотя бы два слова из этого поймешь, чтобы убрать этот... чисто психологический дискомфорт, ... я считаю, что это большой плюс, во-вторых, я считаю, что большой плюс, когда ... просто для установления коммуникации в определенных условиях, человек способен сказать на татарском.... Получается, что единственное место на Земле, где татарский язык мог бы развиваться как нормальный язык, оно... исчезло». Тем самым можно обобщить, что информант выделяет три мотивации всеобщего изучения татарского языка, не замечая, что они в какой-то степени «гасят» друг друга и логически, и практически: первая мотивация – татарский этнос сохраняется только в случае, если татары владеют родным языком. Вторая мотивация – всеобщее изучение татарского языка необходимо для взаимопонимания и психологического комфорта. Третья – изучение татарского русскими необходимо, чтобы заставить и татар его изучать, и фундировать статус республики. Таким образом, видно очевидное отличие языкового дискурса в РТ от Прибалтики и Закавказья и сходство с ситуацией на Украине и в Белоруссии, однако, если на Украине доминирование украинского языка является одним из оснований «доказательства» необходимости «независимости» страны от России, то в Татарстане, наоборот, наличие республики представляется носителям данного дискурса насущным для сохранения татарского языка.

Остальные опрошенные по своему языковому дискурсу явно относятся к интеллигенции. Информант 2 (38 лет, геолог, научный сотрудник НИИ, двое детей) считает, что владеет татарским языком на достаточно высоком уровне, чему способствовала ее татарская семья и изучение данного языка в школе, хотя в ее семье преобладает билингвизм, а на работе в силу окружения – русский язык. Вместе с тем она признает: «Очень мало времени остается на художественную литературу, поэтому я теперь уже практически не читаю на татарском языке, я читаю научную литературу, касающуюся моей профессии, и там уже нет на татарском публикаций».

Информант высказывается за добровольную трансляцию языка по поколениям: «Я хочу, чтобы мои дети знали татарский язык, разговаривали на нем и передавали эти знания своим детям тоже, но я достаточно демократичная мама, поэтому я им даю право выбора». Совсем по-иному она оценивает необходимость директивности изучения языка в школе: «Может, детей и нужно заставлять, по-

тому что, если им дать право выбора, они все откажутся, им нужна минимальная нагрузка... в вузах не нужно детей заставлять изучать татарский... у нас замечательная молодежь... и желание знать татарский, я не думаю, что уменьшилось... в первую очередь зависит от семьи, будет ли ребенок знать татарский, будет ли заинтересован, и вообще семья должна воспитывать детей, а школа должна просто помогать и в изучении татарского языка... Мотивировать, интересовать – это все задача семьи». Информант подчеркивает, что статус республики позволил Татарстану создать более высокие социоэкономические условия для населения, чем во многих регионах. Тем самым информант придерживается дискурса несвязанности необходимости изучения татарского языка и статуса республики, то есть освоение разговорного татарского всеми детьми в школах опирается не на наличие республики, а на интенции семьи, ресурсы школы и интернационалистскую среду, преобладающую среди населения. В силу этого информант четко идентифицируется как представитель интеллигенции, а не интеллектуалов по своему языковому дискурсу.

Информант 3 (45 лет, работает в сетевой компании, трое детей) считает свою семью русской, хотя дед у супруга был татарин. Она считает необходимым освоение разговорного татарского всеми детьми: «Может, и хотела бы, но чтобы не так углубленно, ну чтобы они понимали, читали какие-то там вывески, чтобы знали. Но сейчас все очень загруженные в школе, очень много предметов, вообще, хорошо, конечно, знать несколько языков, но физически дети просто не успевают». Вместе с тем она убеждена, что даже при отсутствии изучения татарского языка овладению им способствует социальное окружение, генерирующее языковую аккомодацию: «[старший сын] перестал изучать татарский язык, чисто на русском разговаривает, но друзья у него татары, на слуху всегда татарский язык, потому что в общественных местах мы слышим татарскую речь, хочешь не хочешь у нас это откладывается, мы это запоминаем, понимаем и общаемся с татарами, это дело добровольное – изучение татарского языка».

Информант разводит и языковые интенции у разных татарских семей, также подчеркивая решающую роль семейной среды: «Я думаю, что есть разные татарские семьи, в некоторых семьях хотят, чтобы там сохранилась культура, язык, чтобы их дети, как их родственники, общались на татарском языке, а некоторые современные семьи просто поверхностно, чтобы дети просто знали татарский язык, может быть, это им не совсем нужно, поэтому я считаю, что нужно предоставлять право выбора языка». Таким образом, русская интеллигенция выбирает дискурс толерантности, общероссийской и республиканской идентифика-

ций и добровольности выбора уровня изучения татарского языка. В этом дискурсе статус республики и будущее татарского языка также не связаны друг с другом.

Информант 4 (34 года, учитель истории и обществознания, дочь 9 лет) идентифицирует себя как русскую, а муж наполовину немец, поэтому считает свою семью русской. Информант сообщает: «Дочь изучала 2 года татарский язык, может читать какие-то вывески, надписи... Ну, конечно, дома мы общаемся на русском... мой дедушка привил мне любовь к татарскому языку, но это было добровольно, ...когда я была в детском садике. Мы с ним занимались в такой добровольной, располагающей обстановке, я уже к школе имела какие-то знания, ... ну сейчас я что-то могу сказать на татарском языке, свободно не говорю, но помочь ребенку с выполнением заданий могу, жалко, что со школы у меня не осталось разговорного языка... мне бы хотелось, чтобы мой ребенок знал разговорный татарский язык, чтобы обучение велось на добровольной основе». Можно сказать, что у информанта имеется очень благожелательное отношение к изучению татарского языка. Однако, мотивация обращения к татарскому у нее несколько иная, видимо, это связано и с ее профессией, неслучайно она говорит о «социальном заказе» на расширение функций татарского языка.

Вместе с тем информант видит противоречие между «заказом» и требованиями информационного общества: «информации настолько много, программа основного обучения достаточно насыщенная и сложная, что семья, являясь основой, ячейкой нашего общества, выбирает легкий путь, ... язык татарский остается на уровне семьи, на уровне республики, то есть семья предлагает более широкий кругозор, более широкий мир, ... родители хотят, чтобы ребенок ... мог конкурировать, чтобы мог поступить в вуз российский, не только на территории республики... родители поняли, что изучение татарского языка привело к ущербу в изучении русского языка ... полностью этнические носители татарского языка отказывались от изучения татарского языка, то есть это плачевно... когда люди отказываются изучать национальный язык и культуру, то есть теряется культура, сфера этого общения – это печально». Тем самым среди мотивов интереса к татарскому языку здесь не прослеживаются этатистские. По ее мнению, «язык как основа, к сожалению, уходит, особенно в таких мегаполисах, как Казань, ... я не знаю ни одну семью, где бы говорили на татарском языке, если мы уходим за мегаполис, ... там иная ситуация, хотя раньше друзья больше общались в семьях на татарском языке, потому что в их воспитании участвовало не только одно поколение: мама, папа, а были семьи многопоколенные, как правило, проживающие вместе, и естественно, ... на бытовом уровне мы еще что-то понимали».

В то же время при всей эмпатии к языку информант убежден: *«Язык будет изучаться успешно тогда, когда он будет на добровольной основе, а не на принудительной – это раз, и когда ребенок заинтересован, вовлечен в процесс, ... я бы хотела, чтобы мой ребенок знал татарский язык»*. Более того, неверная политика способна толкнуть информанта на активный протест: *«если бы оставили татарский язык в том объеме, в котором он был, и в ущерб русскому языку, я бы, наверное, пошла... не только русские выступали за изменения, но сами татары, смешанные семьи, потому что поняли, что где-то, что-то менять надо, что дети не справляются, дети переагружены, результативности нет, мы не говорим на татарском языке»*.

Главные мотивы интереса к татарскому языку у информанта лежат в сфере межкультурного взаимодействия: *«живя в Татарстане, быть причастной к этой культуре с самого детства, когда татары тебя поздравляют с Пасхой, мы их поздравляем с Курбан Байрамом, вместе сжигаем чучело на Масленицу, то есть вот это пересечение культур и традиций, наверное, это хороший базис, чтобы строить спокойное будущее ...у нас есть взаимопроникновение культур, мы не отдельными общностями, кастами живем, а у нас все общее, Татарстан – наш общий дом, привитие детям традиций и той, и той национальности»*. Таким образом, информант явно тяготеет к большинству русских, обосновывающих освоение татарского потребностями межэтнического интеракционизма, а отнюдь не ссылаясь на статус республики или языка.

Информант 5 (37 лет, педагог дошкольного образования, сын 12 лет) называет себя русской, а мужа татаринном. В смешанной семье присутствуют несколько иные проблемы с двуязычием. Дома и с родными (даже с родственниками мужа) сын общается по-русски, хотя *«я бы хотела, чтобы он знал, понимал и общался на татарском языке, все-таки в Татарстане живем»*. Что касается мужа, то *«он может чисто какие-то обиходные вещи сказать ... к примеру, упражнения на татарском он сыну не может помочь сделать»*.

Вместе с тем информант чувствует наличие определенной аномии, разрыва между своими интенциями и ресурсами: *«Вообще, я сама хотела очень хорошо татарский знать, так как живу в Татарстане, сама ходила, просила дополнительные задания... это успехов особо не принесло, ... общаться мне сложно»*. Для преодоления подобной аномии информант предлагает следующее: *«Он должен изучаться больше как разговорный, чтобы дети умели общаться на татарском, может, в каких-то игровых формах, диалогах, сценки должны ставить, например, день татарской культуры»*. Информант объясняет сокращение сферы применения татарского языка интернационализацией жизни в мегаполи-

сах: *«Молодежь все-таки больше на русском общается, хотя много молодежи, которая приехала из деревень, общается на татарском языке, а потом они уже больше на русском общаются»*.

Тем самым информант, признавая важную роль субъективных усилий горожан и властей по сохранению татарского языка, решающее место в динамике ситуации билингвизма оставляет за объективными процессами глобализации и миксации.

Информант 6 (39 лет, педагог дошкольного образования, сын 12 лет) отмечает, что ее семья – крещенные татары, но наполовину русские. Сыну интересно изучать оба языка, в семье сохраняются все татарские обряды, но думают и разговаривают все на русском. Она утверждает: *«Мой дедушка, которому 92 года, разговаривает на татарском, моя мама очень хорошо знает татарский, но разговаривает на русском... Если говорить о семье мужа, то там бабушка и дедушка разговаривали только на татарском языке и веру исповедовали мусульманскую»*, но следующее поколение разговаривает лишь на русском.

Сама информант свободно понимает татарские спектакли, но не литературу. Она за то, чтобы ее сын знал второй родной язык в силу проживания в Татарстане: *«Но научить, чтобы ребенок хоть немного думал на этом языке, как мы ... начало все равно берется из семьи, если родители разговаривают, ... то ребенок сможет мысленно строить какие-то фразы, предложения, даже тексты, ...в татарском языке многие дети надобности не видят, если их заставлять учить, то это еще сложнее, ...эта обязаловка, уравниловка, распределителка, которая в последнее время происходит, – это загубило и без того плачевное состояние изучения татарского языка»*. Следовательно, основными каналами приобщения к татарскому языку информант считает общение в семье и со старшим поколением, а также посещение театров, фильмов, национальных праздников, а начинать необходимо с детского сада. Пока же в татарские театры ходят в основном люди в возрасте, а детей практически не водят, считает информант.

Достижение цели всеобщего знания разговорного татарского позволит свободно общаться с людьми, живущими вне Казани. Вместе с тем информант полагает возможным развивать татарскую культуру и на русском языке и приветствует взаимопроникновение обычаев, традиций и празднований. К сожалению, никто из информантов не обратил внимания на новые формы привлечения интереса к двуязычию, например, в полилингвальных школах.

Таким образом, анализ интервью позволяет сделать вывод о наличии определенной дивергенции в сфере мотивации билингвизма. Если одни из информантов считают знание татарского языка русскими важнейшим средством спасения татарского языка,

а двуязычие институтом, финансирующим статус республики, то другие информанты (как татары, так и русские) обосновывают необходимость билингвизма главным образом требованиями межкультурного взаимодействия, элиминируя его этатистские основания.

Литература:

1. Беляев В.А. Социальные функции научно-производственной интеллигенции развитого социалистического общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Казань, 1979. – 22 с.
2. Bauman Z. Intellectuals in the Postmodern World // Life in Fragment: Essays in Postmodern Morality. Oxford. – 1995. – P.223-243.
3. Gella A. An introduction to the Sociology of the Intelligentsia // The Intelligentsia and the Intellectuals. – L.: Sage Publications Ltd, 1976. – P. 9-34.
4. Gouldner A. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. – N.-Y.: Seaburypress, 1979. – 121 p.
5. Shatirishvili Z. «Old» Intelligentsia and «New» Intellectuals: The Georgian Experience. – URL: <http://georgica.tsu.edu.ge/?p=153> (дата обращения: 11.02.2019).
6. Каткова Ю.В. Институционализация российской интеллигенции и ее соотношение со смежными группами // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151. Кн. 5. – Ч. 1. – С. 7-14.
7. Бутенко И.А. Интеллигенция, интеллектуалы, народ // Социол.исслед. – 1998. – № 12. – С. 131-133.
8. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. – М.: Эпицентр; Харьков: Фолио, 1995. – 192 с.
9. Казанцев А.А. Интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве. Опыт сравнительного анализа // Полис. – 2007. – № 1. – С. 71-93.
10. Могильнер М.Б. Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 56-66.
11. Соколов А.В. Демифологизация русской интеллигенции // Нева. – 2007. – № 8. – С. 164-189.
12. Левада Ю. Интеллигенция // Статьи по социологии. – 1993. – С. 156-158.
13. Гаспаров М.Л. Интеллигенция и интеллигентность: от этимологии к морали // Красные холмы. Альманах. – 1999. – С. 305-312.
14. Current Research in Bilingualism and Bilingual Education // Multilingual Education. Ed. Romanowski P., Jedynek M. Springer. – Netherlands, 2018. – Vol. 26. – 241 p.
15. Eben C., Declerck M. Conflict monitoring in bilingual language comprehension? Evidence from a bilingual flanker task // Language cognition and neuroscience. – 2019. – Vol. 34. – Iss. 3. – P. 320-325.
16. Marini A., Eliseeva N., Fabbro F. Impact of early second-language acquisition on the development of first language and verbal short-term and working memory // International journal of bilingual education and bilingualism. – 2019. – Vol. 22. – Iss. 2. – P. 165-176.
17. Sampedro A., Pena J. The Effect of Bilingualism Level on Creative Performance during Preadolescent Period // Spanish journal of psychology. – 2019. – Vol. 22. – Article № E12.
18. Surraín S., Luk G. Describing bilinguals: A systematic review of labels and descriptions used in the literature between 2005-2015 // Bilingualism-language and cognition. – 2019. – Vol. 22. – Iss. 2. – P. 401-415.
19. Ефременко Л.В. Изучение билингвизма на современном этапе и особенности детского билингвизма. // Вестник Костром. гос. ун-та. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 178-180.
20. Ларионова И.В., Максимова О.А. Факторы этнической толерантности в Республике Татарстан: поколенческий аспект // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 226-230.
21. Салдаева К.В. Основные подходы к пониманию термина «билингвизм» в современной науке // Современные исследования. – 2018. – № 7 (11). – С. 50-52.
22. Ферсман Н.Г., Агафонова М.П. Билингвизм как феномен межкультурной коммуникации // Kant. – 2018. – № 4 (29). – С.89-96.
23. Чикваидзе А.А. Взаимодействие языковых культур при билингвизме // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2016. – № 2. – С. 152-159.
24. Maximova O.A., Belyaev V.A. Generational indigenization in a multi-ethnic and religious society (Tatarstan, Russia) // Orcion. – 2017. – Т. 33. – № 84. – С. 38-64.

Divergence of Motivation for Intelligentsia` Bilingualism in the Republic of Tatarstan

V.A. Belyaev

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

G.R. Sibayeva

Kazan State Power Engineering University

The article considers, on the basis of an in-depth interview with intellectuals and intelligentsia of Tatarstan, the discrepancy between the motivation of bilingualism. The authors distinguish the linguistic discourses of the traditional intelligentsia and the latter-day ethnocentric intellectuals. The mutual extinction of ethnic, cultural and etatist motivations and ways of further deepening the proficiency in both state languages of the Republic of Tatarstan are shown. Most informants consider the function of the Tatar language as a means of intercultural interaction as the most important. At the same time, ethnocentric-oriented intellectuals highlight the etatist rationales of universal bilingualism in the Republic of Tatarstan.

Key words: bilingualism, divergence, etatist motivations, intercultural interaction, ethnocentrism, language discourse, intellectuals, intelligentsia.

